

Мария Голдина
Пошла в баню!

В бане на голых женщинах все написано: биография, радости, тревоги, ожидания.

Молодых, стройных в бане мало, пожилых, тучных — много. И все они разные. У одних животы нависли над ссохшимися ногами. У других — ноги как утрамбованные мешки, а животы как медузы в море. Все в бане друг за другом наблюдают: какое белье, какие синяки и шрамы на теле, висят груди или наполнены соком.

Пар выпускают из трубы; женщины в перчатках раскручивают вентили, и в парную врывается колючее чудо: пар бросается кусать всех, кто ждет его с нетерпением на лавках. Сначала кусает голову, плечи, животы, потом опускается к ногам и уже почти ласково, беззубо облизывает их. Подольше задерживается на шершавых пятках, щекочет их.

Веники, как по команде, начинают взлетать вверх и вниз. Полотенца сушатся здесь же перед раскаленными камнями.

На лавках сидят женщины сухие и блестящие, намазанные кремом.

С женщин постепенно слезает грязь, как чешуйки с рыбы, распрямляются морщины на лице, становятся прямее позвоночники.

Это все происходит в бане на Первомайской. В той самой бане, которая в 60-е годы была нарисована на обложке журнала «Крокодил». Баня с мощными колоннами, провинциальный сталинский ампир: грандиозно и солидно. За это и попала в сатирический журнал.

А женщинам в бане хорошо: есть колонны или нет, для них это не важно.

А для одной из них Баня — это праздник. Бабка ходит в баню по пятницам, но иногда приходит раньше — в четверг (а думает, что это пятница).

В парной бабка с азартом хлещет веником молодую, которая не выдерживает жару, встает и уходит под душ.

А старая бабка остается и начинает себя хлестать еще крепче, чем молодую.

Потом, как бы прося прощения у себя самой, закрывает лицо веником и хлещет неистово между ног. Ноги у нее колесом, в просвет между ногами веник проваливается и снова возвращается. Один любопытный листочек от веника прилипает к копчику и не отрывается даже под душем.

У бабки праздник. Сегодня пятница. Она в бане! В бане ее узнают, здороваются.

Мария Голдина — родилась в Златоусте Челябинской области, окончила философский факультет Уральского государственного университета. Публиковалась в журнале «Урал», периодической печати. Автор книг «Женщина до востребования», «Полосы жизни», «Кони хотят пить». Живет в Екатеринбурге.

— Сколько же вам лет? — спрашивают любопытные.

— 92, — не смущаясь, говорит она.

— Ой, здоровья вам!

— Спасибо, спасибо! — отвечает она.

После парилки она обязательно встает под холодный душ. Стоит под ледяными струями минут пять.

Очередь у душа скапливается, но к ледяному потоку не приближаются. Боятся. Холодно. Выходит охлажденная бабка. Садится на скамеечку: под попой мягкое грязное белье. Под ногами — газета. Сразу на себя натягивает кофточку с большой дырой от ветхости на левом плече. Надевает как всегда: сначала нижние панталоны, новые, мягкие, затем колготки, старые, жесткие.

Пока бабка натягивает колготки и пристраивает на худые ноги круглые резинки для их поддержания, я вспоминаю баню детства.

Ставили ванночку на печку, наливали в нее воду. Мама вставала на табуретку и ковшиком подливала водички погорячей. Не было шампуней, было мыло. Глаза щипало, мы плакали. Нас принимали в простынку. Внизу было прохладно. Чулочки (колготок еще не было) не хотели быстро надеваться, фланелевые ночные рубашечки прилипали к чистому телу.

Не вернуть это время. Потом было много других банных впечатлений: баня с любимым в Костюсово, его ласковые руки, баня по-черному в Бисере, когда аромат сохранялся несколько дней, новоселье в новой бане...

И снова из детства. Заболела старая баня. Серьезно. Вызвали мастера. Он простучал все ребрышки-бревна и поставил диагноз: «Сносить!»

Старую баню осторожно разобрали. Сгнившие бревна увезли на свалку, покрепче — распилили на дрова. Фундамент нарастили вверх. Начали бойко рубить новый сруб, но вскоре темп замедлился, начал отчаянно сопротивляться строительству хрен, разросшийся вокруг старой бани, и крапива, закрывавшая баню от соседей. Хрен не хотел вылезать из земли, а жгучая крапива больно хлестала всех, кто приближался к ней: она мстила за себя и за больную баню.

Прошла неделя, другая, а новой бани все не было. Староверовы грели воду и мылись в тазике на кухне. Соседи в очередную субботу натаскали в свою баню побольше воды. Истопили покрепче и позвали семейство Староверовых мыться. Выручили. Спасибо. Но на следующую неделю к ним уже неловко было обращаться.

Кто-то подсказал: после ремонта открылась казенная баня на Большой улице. В пятницу бабушка начала собирать белье в казенную баню. Мужское для папы и брата складывала в саквояж (такой прямоугольный чемоданчик с замком-защелкой). Для папы полотенце получше, проглаженные белые кальсоны, рубашка со всеми пуговицами. Сережа, зять, не любил, когда на рубахе недоставало пуговиц, мог и голос повысвить, если что-то было «не по его». Поэтому баба Катя проверяла несколько раз содержимое саквояжа, она не любила шума в доме.

В субботу, часов в пять вечера, все семейство отправилось в баню: папа впереди с саквояжем и братом; мы — бабушка, мама, сестра и я за ними.

Шли по Береговой-Ветлужской улице, и мама с бабушкой, тихонько переговариваясь, отмечали перемены, которые произошли в домах соседей.

— У Лазаревых сменили шторы, покрасили наличники, наверно, побелили, — отмечает мама.

— Что-то давно не видели бабу Дуню, — добавляет она.

— Обижаться вроде на нас не на что, — размышляет мама вслух, — взяли бабу Дуню на юг, не близкое место.

Наше семейство свозило бабу Дуню на юг прошлым летом. Она как узнала, что собираемся на Черное море, запросилась с нами: «За ребятами присмотрю, обузой не буду, денег подкопила, а вот ехать одна не могу. Своих-то не дожидаться. Да и со снохой я не очень дружу. Не возьмет она меня на море,

ногу полечить в соленой водице. Так хочется живое море увидеть, потрогать руками. Во сне его вижу. Синее. Блестящее. Наверно, теплое.

— А ведь Сережа мог и не согласиться везти чужую тетку, — продолжает мама.

— Наверно, ему понравилось, что она набожная, — поддакивает баба Катя, все еще ревнуя ее к своим ребятам, которые были с «чужой старухой».

— Помню, она письмо с юга своим послала, написала им, что скоро придет, накупила всего, «чего надо и чего не надо». Всю жизнь их побаивается, вот и не ходит в гости, — подвела итог осмотру дома мама.

— У Марии Степановны новые цветы на подоконнике расцвели, — замечает бабушка.

— Надо попросить у нее отростков, — напоминает мама.

— Да как-то неудобно идти, — отвечает баба Катя.

— Раньше-то молоко носили ей, удобно было спросить, — добавляет она.

— Ладно. Сережу попросим, он им по телефону позвонит, спросит про здоровье и о цветах поинтересуется, — успокаивает мама разволновавшуюся бабушку.

— Это она, Мария Степановна, на фотографии с баранами, вместе с папой, — вмешиваюсь я в разговор взрослых.

— Она, она. Они там еще торты демонстрируют, — говорит мама.

Перед моими глазами оживают масляные барашки, лежащие спокойно на зеленых листьях. Папа и Мария Степановна работали вместе в ресторане, папа — директор, Мария Степановна — завпроизводством. Эта красивая тетя казалась мне главнее папы. Я представляла себе раскаленную плиту, на ней целый ряд пузатых, дымящихся и вкусно пахнущих кастрюль, а над ними склонилась в большом белом поварском колпаке Мария Степановна с огромной поварешкой.

На фотографии она маленькая, в белом халате. Демонстрирует торт, приготовленный на выставку, а рядом курчавые бараны лежат. Папа делал их искусно: брал кусок мягкого сливочного масла, делил его на две половины. Из одной половины лепил заготовку — гольшек-баранов, а другую помешал в мешок с трубочкой-формой на конце. Потом давил на мешок, и из формы выскакивали кудряшки, которые покрывали гольшек. Оставалось сделать глазки и уши барашкам. Вместо глаз были коричневые спички, а уши — двойные завитушки. Потом рядом клали два зеленых листочка (от дерева лимона) — и отправляли до гостей на холод.

Подошли к двухэтажному, старому, но еще бодрящемуся дому. В одной половине живет с семьей брата моя учительница Александра Семеновна.

Ее брат, умница, инженер, умер совсем молодым. Осталась красавица сноха и двое детей школьников. Александра Семеновна, любившая брата особенной нежной любовью, посвятила его детям всю свою жизнь. Она была не просто учительница, она была заслуженная. Она учила нашу маму, а теперь учит ее детей.

— Александра Семеновна еще не пришла из школы, — говорю я осторожно.

— Она в работе немного горе забывает, — отвечает мне мама.

— Заботливая она, умница, — добавляет трогательно мама.

А я вспоминаю, как мы всем классом катались на лыжах с Сорочьей горы. Александра Семеновна падала в глубокий снег, а мы наперебой помогали ей вытащить лыжи и искали зарывшиеся в снег палки.

Ее коричневый костюм (начесом вверх) становился белым-белым, снег скатывался в комочки, забирался под воротник. Улыбка Александры Семеновны была смущенной и лучистой. Она немножко стеснялась, что вся в снегу и так «доступна» ученикам. А мы прикасались к хрупкому телу строгой учительницы, и были какие-то новые ощущения, совсем взрослые и детские одновременно. Снежная баня с нашей учительницей обжигала лицо, снег забирался в валенки, в варежки. Мы барахтались в белом холодном снегу: радостно, с визгом и беспредельной свободой, которая бывает только в детстве.

Прожила Александра Семеновна долгую, красивую жизнь. Доживала в однокомнатной благоустроенной квартире. Мы всем классом побывали у нее в гостях в этой квартирке. Мы, ее ученики, поступили учиться в вузы, техникумы. Она нам всем, когда сели за стол, выдала на колени новые полотенца. Наверное, у нее столько гостей никогда больше и не было. Мы вспоминали снежную лыжную баню...

Но я увлеклась воспоминаниями, я забегаю вперед, я пока маленькая... Я еще в классе пятом, чинно шагаю со своим семейством в баню на Большую улицу. Проходим мимо подружки, я ее не зову с собой, она всегда моется у своей мамы, в бане на Карла Маркса.

Ее мама работает там в буфете, продает газировку.

Она всегда величаво стоит за «пультом управления» малиновым сиропом, который щедро добавляет в воду с пузырьками.

На голове у нее накрахмаленная корона-колпак. На пузе — фартук с неотстирываемыми пятнами. На боку, где должна быть талия (изгиб, разделяющий низ живота и начало бедра), заткнута салфетка — тряпка, о которую она постоянно вытирает красные от сиропа и холодной воды руки. Нам с Галькой везло после бани больше всех посетителей, отдохавших в зале-буфете. Мы пили по два (иногда по три) стакана бесплатной, бросающейся в нос газировки. Иногда мама Гальки угощала нас свежими шаньгами, которые лежали в пузатой прозрачной витрине и, несмотря на свежесть, пахли мылом и мочалками, которые были в этой же витрине неподалеку.

Посещение бани на Карла Маркса было для меня маленьким чудом: с фейерверком брызг газированной воды, с самостоятельной поездкой на трамвае, с образами выходящих из парной голых женщин.

Но самую главную тайну я сохраняла даже от мамы, которая всегда интересовалась моим походом в баню на Карла Маркса. Я никому не рассказывала, что заметила, как наливаются груди у подружки Гальки и как она удивленно рассматривала меня, превращающуюся в стройную, пышногрудую красавицу.

В казенной бане на Большой улице, которая была близко от школы и дома, я боялась увидеть нагишом кого-то из знакомых. Но больше всего я боялась увидеть голую учительницу, да и они, пожалуй, не очень хотели этого. И поэтому мылись в своих банях, лишь в крайних случаях пользовались общей баней.

Но однажды все же такое случилось. К одной из женщин в банном зале ожидания, к своей жене, подошел Геннадий Петрович, наш учитель географии. Его сын Витька учился со мной в одном классе. Витька был черненький, с тонкими губами, в мать. Геннадий Петрович, его отец, обладатель толстых, всегда причмокивающих губ, научил нас главному в географии: правильно стоять у карты (спиной к карте, лицом к классу) и держать в вытянутой правой руке указку.

Геннадий Петрович любил правильные ответы и, вкусно причмокивая, ставил заслуженные пятерки.

С Витькой мы соперничали по всем предметам, но особенно в быстроте и правильности ответов на уроках геометрии. Как только Тамара Васильевна, объяснив теорему, спрашивала: «Кто будет доказывать теорему?» — поднимался лес рук, выше всех тянулись руки Веры Клыковой, Гальки Астафьевой, Витьки Попова и моя.

Витька носил очки, поэтому всегда сидел на первой парте, и его худая рука с черными полосками неостриженных ногтей тряслась прямо перед лицом Тамары Васильевны.

Мы с Верой Клыковой, высокие и не очкастые девочки, тянули руки с последней парты.

Умная Тамара Васильевна, наблюдая такое соперничество, вызывала отвечать по очереди. Никогда не забывала похвалить за быстроту ума и умение запоминать ход доказательства теоремы.

Мама Витьки, которая мылась с нами, была такая же, как все женщины ее возраста: мягкий живот висел у нее свободно, груди вытянулись; она уже не рожала детей, натруженные руки легко поднимали полный таз воды. В платье она была интереснее: отвисший живот скрывался за складками одежды, а длинные груди укладывались в простой лифчик и приподнимались над животом.

А пока мы идем дальше по улице, остается несколько метров до поворота, а там переулочек с неглубоким оврагом. Но почему я краснею сейчас, уже став совсем взрослой, когда вспоминаю забытое детство, ведь ничего не должно было произойти, я еще пятиклассница, а все случится потом, классе в седьмом...

На повороте слева дом на две половины. В половине дома, которая ближе к переулку, живет Вовка — он старше меня года на два. Мы иногда с ним сталкиваемся в коридоре школы, когда я бегу занимать очередь попрыгать на перемене через «козла», попрыгаем досыта и, красные, разгоряченные, садимся снова учиться. Вот тогда после перемены я не замечаю, как Александра Семеновна, задав вопрос, показывает на ученика рукой, чтобы он ответил. Я всегда знаю ответы, хоть отдышаться еще не могу, соскакиваю с места и бойко отвечаю.

Мудрая Александра Семеновна говорит спокойно: «Маша, я тебя не спрашивала». Я не обижаюсь, я ответила, хотя меня даже не просили об этом.

Потом мое поведение на уроках становится активнее, я мешаю другим, и Александра Семеновна запишет красиво в моем дневнике: «Играла на уроке с Лыкасовым в крестики». Родителям на собрании скажут, что учусь я очень хорошо, но веду себя очень активно (такое слово подобрала моя первая учительница) на уроках и переменах. Папа нахмурит брови, мама скажет: «Мариичка, девочка должна вести себя скромнее». Но краснею я сейчас не из-за этих грехов.

Краснею потому, что однажды, когда бежала с тренировки, меня встретил на углу, у своего дома, Вовка Толстых. Он в жизни соответствовал своей фамилии — был коренастый, полноватый и очень подвижный.

Я растерялась от такой неожиданной встречи, а он, раздвинув широко руки, попытался остановить меня.

— Машка, можно я тебя провожу до тупика? — сказал он скороговоркой грубовато.

А меня еще никто никогда не провожал. Я густо покраснела. Моя шея на фоне зеленого шарфика загорелась красным пламенем девичьего стыда. Вовка приближался все ближе, он еще никогда не подходил так близко; в школе я лишь ловила его взгляды. Издалека он казался мне другим: маленького роста и нерешительным.

А сейчас совсем рядом со мной стоял высокий парень; он решительно сомкнул руки и приподнял меня над землей. Я уткнулась носом в его щеку и, собрав силы, разорвала его руки.

Удерживая меня, он схватился за зеленый комочек шарфа, которым была обмотана моя шея. Шарф скользнул как змейка на землю, но успел своими комочками сделать мне больно. На шее осталась красная полоска.

Я резко повернулась и побежала. Никогда в жизни не бегала так быстро, добежала до дома, как мне показалось, за одну минуту. Отдышалась и постучала в дверь. Бабушка открыла сразу же, увидела меня разгоряченную и спросила: «А где шарфик, Мариичка?»

— В школе оставила, — уверенно ответила я. — Бабуся, ты только папе не говори. Ладно?

— Завтра найди шарфик обязательно, — сказала бабушка и позвала меня обедать.

Мне было не до еды. Со мной случилось что-то необычное. А что, я не понимала. Шея, лицо горели, стыд разливался по всему телу. Мне хотелось, чтобы Вовка еще раз повторил: «Можно, я тебя провожу до тупика?» Сейчас, отдышавшись, я уже не побежала бы от него, а сказала бы, что я пойду по своей улице, по Береговой-Ветлужской, так быстрее буду дома.

Пишу и думаю, что, наверно, тогда я не так думала. Это сейчас я слишком взрослый, отточенный вариант ответа придумала.

А тогда боялась, боялась прежде всего гнева папы: «Опять ты, Мариичка, теряешь вещи из дома!».

Папа обычно, когда я теряла в очередной раз что-то, перечислял мне вещи, которые были потеряны мной раньше: сумка из-под угля, лопата, платок бабы Поли, который папа привез ей из Германии, полосатый мамин шарф, связанный на заказ, чернильница, коричневые брюки с начесом...

Все «грехи» я брала на себя: сумку и лопату утащили на субботнике, бабушкин платок не нашли после новогодней елки, шарф «потеряла» моя подружка, а коричневые брюки не вернула мне девочка из детдома, которую я выручила на физкультуре. Дружба с девочкой из детдома была у меня какая-то пронзительно честная и нечестная одновременно.

Они приглашали меня к себе домой — в детский дом на Большой улице; двухэтажный деревянный дом с наличниками, с огороженным деревянным забором, большим огородом, массивными дверями со старинными засовами. В этом доме раньше жил какой-то купец, в нем было много комнат. Мне запомнились ковры и какой-то особенный вкус винегрета, который толстая, добрая повариха раскладывала в тарелки из большой кастрюли. Были еще булочки? Нет, наверно, я слышала только запах от них. А сами булочки остались моей мечтой.

В нашем доме моих подружек из детдома угощали тем, что было приготовлено бабой Катей. Большую сковороду с шипучей картошкой ставили на середину стола, и девочкам накладывали побольше, чем нам. Угощали чаем с вареньем. А в Пасху папа относил в детдом кулич с яйцами.

Девочки нас своеобразно благодарили. После их ухода обязательно что-нибудь исчезало: игрушки, цветные карандаши, что-нибудь из моих вещей. Трагедия начиналась потом, когда папа что-то терял. А я никак это не могла связать с приходом подружек из детдома. И было это до тех пор, пока не увидела на одной из них свои брюки от спортивного костюма.

В то время иметь спортивный костюм было большой роскошью, да и мои занятия лыжами требовали утепленной одежды. Я страдала оттого, что не могла надеть полный костюм.

Вскоре детский дом переехал, но горечь от такой дружбы осталась на всю жизнь.

...До похода в баню с колоннами еще далеко. Больше чем полвека. И вот снова бегу туда, чтобы встретиться с бабкой, которая умеет делать себе праздник — париться в бане.

Навстречу мне другая бабушка с ашановским пакетом, ручки у которого порваны и завязаны узлом. Пальто ей кто-то подарил. Она рада этому подарку. Я помогаю ей подняться по лестнице, снять пальто. Отношу его в раздевалку. Набираю в тазик воды и бегу навстречу бабушке, которая любит пятницу за то, что есть Баня.